

Е.Ф. Ковлакас

Государственный морской университет имени адмирала Ф.Ф. Ушакова, ИМТМЭиП,
Новороссийск, Россия
(E-mail: amica.2013@mail.ru)

К вопросу о построении когнитивных пространственных моделей: лингвосемиотический подход (на примере топонимического концепта «пространство»)

Аннотация. В статье поднимается вопрос о том, что построение символической когнитивной пространственной модели основано не на значении топонимов, а на контексте их употребления или интерпретации культуры народов-номинаторов. Символ-топоним материализовался в значение топонимов, но исчез с видимой поверхности для воспринимающего субъекта. Воспринимающий субъект должен обратиться к сфере культуры, чтобы осмыслить и восстановить топонимическую картину мира. Концепт «Пространство» является в топонимической картине мира смыслообразующим. Процессы когнитивного освоения окружающей действительности членами этносоциума протекают параллельно с концептуализацией этой действительности, задача которой породить новые смыслы, вовлекая в этот процесс новые знаки, т.е. семиотизируя концептосферу. Лингвосемиотическая картина мира у разных этносов детерминирована их представлениями о мире, которые у каждого этноса формируются по-разному. Структура этнолингвосемиотики каждой картины мира содержит ментальные репрезентации знаков; она динамична, т.е. претерпевает постоянную реаранжировку и трансформацию в ходе исторических процессов, происходящих в этносоциуме.

Ключевые слова: топонимическая картина мира, когнитивная функция, топонимическое пространство, пространственные модели.

DOI: 10.32523/2616-678X-2021-135-2-128-138

Введение

Как известно, действительность существует в человеческом сознании в компрессированном виде – в виде «квантов переживаемого знания», т.е. концептов, как их предлагает именовать В.И. Карасик: «Отметим зеркальную последовательность концептуализации мира и описания этой концептуализации: исходным моментом для концептуализации является переживание значимости кванта опыта, а объяснение этого

опыта представляет собой финальный этап языкового освоения мира» [1]. Как справедливо полагают философы и культурологи (см., например, работы [Cassirer 1996], [Gadamer 1999], [Hydegger 1993], [Patocka 1995]), именно языковые структуры, описывая реальный мир (декодируя его содержание), способствуют актуализации внеязыковых структур, кодирующих его, и эта актуализация происходит в речи, в дискурсивных практиках, специфично проявляющихся в разных этнокультурах.

Основу когнитивной картины мира составляет информация, которая была получена Homo sapiens посредством опыта, приобретенного в результате деятельности. Эта информация была тщательно переработана мозгом, когнитивно освоена и приведена в некую конфигурацию, структурированную и систематизированную, т.е. сформирована в концептосферу – компендиум знаний Homo sapiens об окружающей его действительности. Она содержательно (в социальном и временном планах) изменчива, поскольку человек постоянно совершенствует свои знания о мире, и с течением времени меняется «аксиологическая интерпретация его опыта» [2].

Следует согласиться с мнением Романа Якобсона о том, что язык как чисто семиотическая система во всей совокупности своих феноменов «...от мельчайших единиц до целых высказываний или обмена высказываниями», состоящая из знаков и функционирующая только как комбинация знаков, должен исследоваться не только как чисто семиотическая система; его изучение должно также учитывать и неязыковые семиотические структуры, или семиосферы индивидуального и социального бытия – такие как архитектура, одежда, гастрономия [3].

Таким образом, социальная и индивидуальная лингвокреативность, так или иначе, заканчивается **концептуализацией**, понимаемой как **процесс и результат формирования лингвосемиотической картины мира**. Термин, предложенный И.Ф. Янушкевич, логично «уводит» исследователей от полемики по поводу жесткости комбинации «первичной» и «вторичной» картин мира (когнитивная – языковая) [4].

Методология исследования

В данном исследовании нами предпринята попытка использовать лингвосемиотический метод. Использование заявленного метода основывается на признании знакового характера ономастических единиц и

системной их организации в пределах антропонимии, топонимии и т.д., а также в составе всего ономастического пространства в определенный период его существования.

В своей работе «Семиотика географической карты» А.А. Реформатский назвал географическую карту своеобразным «информационным устройством», способным хранить и передавать информацию. Географическая карта, при всей своей схематичности (показ границ, изоявлений, природных ресурсов), отражает «натуру» – собственно топонимию: гидронимы, оронимы, социально политические и культурные объекты – и ее семиотическую сущность [5].

Топонимическая система, в рамках лингвосемиотического исследования, может быть представлена в качестве знаковой среды обитания человека, т.е. сами топонимы-знаки начинают порождать смыслы, являясь отражением реальности. Среда не выступает в реальном виде в жизненном опыте людей, а остается на его периферии, дополняя этот опыт. Если говорить о топонимической системе как о знаковой системе, то в ней должны находиться самоинтерпретирующие фрагменты, обусловленные перцептивными стратегиями. С этой точки зрения мы можем говорить о топонимической системе, вычлняя ее онтологический статус.

Цель исследования – построение пространственных топонимических моделей на основе анализа топонимического концепта «Пространство».

Результаты

Топонимический концепт «Пространство» (на примере топонимов Краснодарского края и Республики Адыгея) строится на основе разных параметров, среди которых особую значимость приобретает концепция обжитости / необжитости пространства [6]. Ментальные образы, составляющие ТК «Пространство», сами являются смыслообразующими концептами, играющими особую роль в реконструкции

духовной культуры народов, населяющих исследуемый регион.

Пространственные модели, составляющие топонимическую картину мира, нельзя рассматривать как нечто противопоставленное, находящееся в отрыве друг от друга. В топонимике исследуемого региона нами выделены пять когнитивных пространственных моделей: метафорическая, пропорциональная, метонимическая, символическая и перцептивная. Метафорическая, пропорциональная и метонимическая пространственные модели являются ведущими, но не исчерпывают содержания символической и перцептивной пространственных моделей. То есть существенные пространственные характеристики, зафиксированные в метафорической, пропорциональной и метонимической пространственных когнитивных моделях, дополняются этническими и субъективными образами. Пропорциональную, метафорическую и метонимическую когнитивные пространственные модели следует считать логическими моделями, содержащими максимальную степень обобщения и образности для пространственных объектов.

Субъектно обусловленными (или перцептивными) пространственными моделями следует считать символическую и перцептивную когнитивные пространственные модели, в которых присутствует чувственные образы, наполненные мировоззренческим «багажом» знаний.

Несмотря на выделение пяти когнитивных пространственных моделей, мы приходим к выводу, что формирующие их топонимические единицы обладают свойствами как интегративными, так и имеющими тенденцию к взаимопроникновению.

Во-первых, многообразие свойств и признаков Пространства, репрезентированных в топонимических единицах, представленных в логических моделях, отличаются степенью общности и фундаментальности. Характеристики Пространства не сливаются

с другими свойствами Пространственных объектов, но тесно с ними взаимосвязаны.

Например, Псекупс – «голубая вода»
Купса – «синяя вода»
Корсунь – «черная вода».

Перечисленные гидронимы содержат характеристику признаков (цвета) воды.

Мацеста (р.) – «огненная вода» содержит и характеристику признака (цвет), физических свойств (наличие сероводорода), и метафорический образ жизни / смерти, который становится символическим в культуре народов, населяющих регион.

Гидронимы, обозначающие характер течения рек по признаку спокойный / беспокойный. Например, Кубань – «буйная, сильная», Каверде – «бурлящая река», Руфабго – «бешеный, строптивый». С одной стороны, перечисленные гидронимы формируют перцептивную когнитивную пространственную модель, а с другой - отражают физические признаки пространственных объектов.

Такая взаимосвязь позволяет расширить пространственные представления, составляющие топонимическую картину мира, выработать интегральное видение Пространства и оперировать Пространственными характеристиками.

Во-вторых, признаки, лежащие в основе объектнообусловленных (логических моделей), отражают сущностные характеристики Пространства и имеют наглядную интерпретацию. Эти признаки субъекты воспринимают органами чувств и отражают в топонимических единицах. Например, Псекупс (Псакупс, Пшикупс, Пскупс) (адыг.) – «голубая вода», «глубоководная река»

Псижий (Псыжъий) (адыг.) – «речушка»;
Чохрак (Чехрак, Чеграк, Шехурадз) (адыг.) – «ручье», «источник»;
Челбас (тюрк.) – «мелководная река».

Перцептивные модели структурируют конкретно-чувственный образ Пространства, который может варьироваться как у разных субъектов номинации, так и у воспринимающих субъектов. То

есть в перцептивных когнитивных пространственных моделях нет устойчивого, общезначимого содержания.

Например, **Зеленчук Большой** (тюрк.) – «зеленая вода»,
«иланчук» (тюрк.) – «змея»,
«джелакджук» (карач.) – «пустая повозка»,
«зелен шугу» (черк.) – «вершина, где велись переговоры».

В-третьих, в перцептивных когнитивных пространственных моделях (ПКПМ) существенное содержание определяется закономерностями осмысления Пространства, мировоззренческого осознания пространственно-временных отношений. Следует отметить, что ПКПМ, с точки зрения семантического кода, являются вторичными по отношению к ЛКПМ (логическим когнитивным пространственным моделям). Понимание денотативной соотнесенности Пространства с семантикой топонимов служит условием его вторичной интерпретации.

Например, **Аджара** (абхаз.) – «крестовая гора»

Тхач Большой (адыг.) – «гора духов», «священная гора».

Топонимы **Аджара** и **Тхач Большой** служат обозначением объектов Пространства (гор), но и обозначением сакральных мест, символом, напоминанием о религиозных обрядах, культах. Символическое и семантическое значения могут приобретать и топонимические единицы, входящие в состав ЛКПМ.

Например, ст-ца **Ахметовская**
ст-ца **Нижнебаканская**, ст-ца **Вернебаканская**

Наименование пространственных объектов (в данном случае населенных пунктов) именами реальных лиц становится символическим почитанием легендарных личностей. Причем эти отношения фиксируют этические нормы народов-номинаторов.

Топонимические единицы, входящие в состав как ПКПМ, так и ЛКПМ, могут стать символами двойного означивания, на первичную семантику которых накладывается новое содержание, включающее приоритеты национального сознания.

Когнитивные пространственные модели могут частично пересекаться, дополнять друг друга, давать возможность различать смысловые уровни в топонимической картине мира. Совмещение различных уровней в концептуальном членении Пространства объективирует его ментальные границы, расширяется семантическое наполнение топонимической картины мира, появляется прагматическая перспектива. Например,

Дыш (адыг.) – «золотая, добрая»

Дышешху (Дышьэшху) (адыг.) – «большая добрая река»

Мефәпә (Мэфәпә) (адыг.) – «устье счастливой реки».

Топонимическая картина мира (ТКМ) полиэтнического региона рассматривается нами в контексте регионализации и межкультурной адаптации. Мы предлагаем построить когнитивные пространственные модели в синергетическую модель топонимической картины мира полиэтнического региона. Терминологическое значение в содержании ТКМ отражают три синергетически связанные между собой составляющие:

- когнитивная;
- интерпретационная;
- семиотическая.

Когнитивная составляющая ТКМ реализуется в том, что ТКМ является обобщенным результатом физической картины мира в коллективном сознании народов, населяющих данный регион. Отражение действительности, заключенной в концепт «Пространство», представляет собой не зеркальный процесс, а синтез логического (логические когнитивные пространственные модели) и перцептивного (перцептивные когнитивные пространственные модели) восприятия. Например, именование рек по характеру течения:

Кубань (Къобхан, Кобан, Кубан, Губань, Гопанис)

(др. – греч.) – «конская река, буйная, сильная»

(карачаево – балкарское) – «быстрый, бурливый, беспокойный»

Гоноубат (Уне-Убат, Гонэубат) (адыг.) – «разрушитель домов»

Каверзе (Кавярзе, Хуарзен, Хоарзе) (адыг.) – «бурлящая река»

Руфабо (Гуфабо, Гуфэбгъу) (адыг.) – «бешеный, строптивый»

Чамлык (Шамлык, Чанлык, Саллык) (ногай.) – «сердитая, резкая река»

Тегинь (ногайск.) – «тихая, спокойная»

Синергетика ТКМ порождается сложными внутренними отношениями. Если изобразить когнитивные пространственные модели в виде эйлеровских кругов, то их наложение друг на друга доказывает тот факт, что во многом когнитивные пространственные модели совпадают. За пределами этих совпадений остаются национально-культурные зоны, характерные для исследуемого региона. Национально-культурная специфика региона (этничность), под которой мы понимаем групповую идентичность полиэтнического региона, наполняет ТКМ intersубъективными смыслами.

Например, номинация Пространства, в основе которой названия этносов:

р. Абин – «абун» племя меотов

г. Аибга, с. Аибга – кабардинское название абхазцев

г. Алек – «алиг» - адыгейское название «эллинов»

г. Ассара – «ассы» - племя аланов, предков осетин

пос. Адлер – причерноморское племя аредба

с-ца Абадзехская – племя «абадзехов»

р. Адыгако – племя «адыгов»

г. Агой – племя «гоаие»

В ТКМ носителями смыслов являются топонимы. При этом следует учитывать, что в них одновременно может быть заложена как логическая (универсальная), так и идиоэтническая информация, поэтому топонимы приобретают особую лингвокультурологическую значимость, совмещая в себе универсальное и идиоэтническое отражение Пространства. ТКМ (топонимическая картина мира),

таким образом, становится целостным конструируемым Пространством, включающим в себя совокупность образов-представлений народов, населяющих это Пространство и вступающих с ним во взаимодействие.

Интерпретативный компонент ТКМ в синергетике соответствует понятию «семантика возможных миров», в которой базовой единицей является концептуальное слово. Доминирующим понятием, вобравшим в себя смысловую и экспрессивно-оценочную энергию топонимического образа мира, является концепт «Пространство», который становится смысловым центром культурно отмеченных топонимических знаков.

Пространство в топонимии объективируется и взаимообусловлено с концептом «Время». В процессе вторичного переосмысления концепта «Время» понятийное поле начинает отражать предметно-логические связи, свойственные сознанию народа-номинатора. Время/Благоденствие/Река дополняется значением «Род». Время сохраняет память, зафиксированную в гидронимах. Например, в основе названий рек лежат личные имена и названия племён:

с-ца Темиргоевская, аул Темиргой – адыг. народность темиргоевцы

р. Хатыпс – племя «хаттами», «хетты»

аул Хатукай – племя «хатукаевцев»

р. Хакуцу – племя «хакучинцев»

с. Хамышки – по имени племени

ст-ца Шапсугская, г. Шапсухо – племя «шапсугов»

р. Шингарь – название племени синдов.

р. Убинка – «убыхи» - др. племя

р. Чепси, пос. Архипо-Осиповка – «чепсин»- др. племя

Например, «Время» – «Род», отражая предметно-логические связи, которые восходят к языковому сознанию, выполняют коммуникативную функцию топонимов. Модель «Время» – «Род» может быть понятна как концептуальная опора «языковых манифестаций признака упорядоченности времени» [7].

Топонимизация концепта «Время» в сознании народов-номинаторов становится антропоморфной, ориентированной на концепт «Человек». Время «осознается скорее интуитивно, чем посредством разума. Как обычно, в интуициях подобного рода человек прибегает к помощи метафор для уяснения сложного понятия, интуиция достаточно четко очерчивает ему границы и содержания абстрактного концепта и обеспечивает должный отбор аналогичных средств описания» [8].

Обсуждение

Дифференциальные признаки концепта «Пространство» обеспечивают тождественность топонима самому себе и фиксируют объём понятийной составляющей, тесно связанной с интерпретацией содержания концепта. Согласно концепции В.Г. Гака, «пространство – одна из первых реалий бытия, которая воспринимается и дифференцируется человеком» [9]. Это первая естественная система, коррелирующая знания человека о мире. Эти знания номинируют среду обитания, закрепляясь в топонимах.

Первоначально топонимический концепт «Пространство» в топонимии Краснодарского края и Республики Адыгея был связан с представлением времени, конституирующим его структурно и закреплённом в концепте «Время». Сакральные и мифологизированные объекты Пространства организуют его во времени и находят закрепление в культуре народа-номинатора. Мифологическое архаическое сознание определило центр «Пространства» – «Человек» – и упорядочило его родоплеменную территорию, отражая горизонтальные и вертикальные модели построения Пространства.

На этноспецифичность процесса концептуализации впервые обратила внимание Анна Вежбицкая, указав на то, что концептуализация как «совокупность приемов семантического представления плана содержания лексических единиц» может существенно различаться в разных культурах и лингвокультурах [10].

Ученый предлагает членить представления на *прецедентные феномены* (прецедентные ситуации (ПС), прецедентные тексты (ПТ), прецедентные имена (ПИ) и прецедентные высказывания (ПВ); артефакты; *духи (бестиарии) и стереотипы (стереотипы-ситуации; стереотипы-образы)* [11].

Сублимируясь в сознании индивидуума, концепт рефлектирует семиозис культуры этноса, которому тот принадлежит, давая ему возможность войти в культуру через освоение всей совокупности своих характеристик – *понятийных или предметных, образных и ценностных* [12].

Понятийные характеристики концепта эксплицируются лингвосемиотически – посредством кластеров знаков денотации (собственно обозначения), дескрипции (описания) и дискриминации (смыслоразличения).

Образные характеристики концепта – это конгломерат представлений о предметах, явлениях, событиях, семиотически и когнитивно рефлексированных в нашей памяти в виде образов, гештальт-структур, прототипов, стереотипов, символов. Образность в концептах, по мнению А.В. Олянича, семиотически проявляется как свободная интерпретация образов, воплощенных в структуре самих концептов вплоть до их сравнения, сопоставления и взаимоуподобления; образность как характеристика концептов рекурсивна и узнаваема, часто ритуальна / поведенчески-смоделирована, информативно насыщена, семиотически закреплена в качестве постоянно функционирующей знаковой системы кодов и знаков, направляемых социуму. Образные характеристики всегда, что особенно важно для нашего исследования, хронотопичны, привязаны к определенному месту и определенному времени [13].

Ценностные характеристики концепта репрезентируют «...когнитивные признаки общей, эстетической, эмоциональной, интеллектуальной, морально-нравственной оценки предмета, явления или события» [14].

В структуре концепта нами зафиксирована его способность как к оязыковлению

действительности через актуализацию (вербализацию и семиотизацию) смыслов.

Выводы

Структурируя топонимический концепт «Пространство» в топонимии Краснодарского края и Республики Адыгея, мы считаем, что Пространство представляет собой неординарную модель сосуществования объектов действительности: населённые пункты, горы, реки и т.д.

Во-первых, Пространство представляет собой ментальный образ протяженной трехмерной и взаимосвязанной материальной системы:

р.Бейсужек Левый – р.Бейсужек Правый

хут. Бейсужек – 2-й Бейсужек

хут. Средний Челбас – хут. Большие Челбасы

р.Мокрая Чубурка – р. Средняя Чубурка – Чубурка

р. Северная Озерейка – р. Южная Озерейка

р. Верхнее Макопсе – р. Нижнее Макопсе

р. Малый Бикишей – р. Большой Бикишей

р. Большое Псеушко – р. Малое Псеушко

р. Большой Наужи – р. Малый Наужи

с. Шахе – с. Нижнее Шахе

Во-вторых, Пространство подвержено перцептивному восприятию внешней реальности воспринимающим субъектом и отличается от реального локализацией человеческих чувств и ощущений. Это восприятие основывается на моделях, которые сформировались в сознании человека, в его взаимодействии с окружающим миром и осознанием этого мира. Например, оронимы, отражающие мифические представления:

Ажек (убых.) «аже» - «снег», «куа» - «сын» - «снежный сын»

Дудугуш (Дудукъуш) (адыг.) - «сказочная птица»

Афипс большой (абхаз.) - «Афы» - «бог молнии и грома»

Гебеус (адыг.) - «голова двух братьев»

Колихо (адыг.) «коле» - «ворона», «къо» - «долина»: «воронья долина»; **Облего** (адыг.) «благьо» - «дракон, чудовище»

Собер – баш (Собер-Оаш, Собай-Уаш) (адыг.) - «гора ведьм» (в одну из ночей собираются ведьмы)

В-третьих, «Пространство» является определением расстояния в сознании воспринимающего субъекта, определяет относительность этого расстояния. В топонимической картине мира складываются ориентированные концепты (далеко-близко; верх-низ):

с. Верхняя Беранда – с. Нижняя Беранда

аул Большой Кичмай – аул Малый Кичмай

пос. Верхняя Хобза – пос. Нижняя Хобза

с. Верхний Юрт – с. Нижний Юрт

В-четвертых, концепт «Пространство» формирует Пространство как фон, на котором воспринимаются объекты, происходит наблюдение над ними (гора-не объект Пространства, а духовный ориентир):

Афипс большой (абхаз.) - «Афы» - «бог молнии и грома»

Дукотх (адыг.) - «гора Ду» или «гора сына Ду»

Сарай – гора (иран.) - «дворец гора»

Тхаб (тхыб) (адыг.) - «многобожье»

Тхамехинский (адыг.) - «посвященная Богу роща»

Тхачегочук (ТхьачІэгъ чЫгу) (адыг.) - «земля, покровительствующая богам»

В-пятых, «Пространство» как «поле зрения», как картина мира, в которой разворачиваются ожившие образы – одушевление Пространства как элемент архаического сознания воспринимающего/номиналирующего субъекта. Например,

Чамлык (ногай.) - «сердитая, резкая река»

Цеце (Цице) (адыг.) - «ворчливая река»

Руфабго (Гуфабго, Гуфэбгъу) (адыг.) - «бешеный, строптивый»

«сырыфыбг» (адыг.) - «белая возвышенность»

«гуфабго» - «девять, уместившихся рядом»

Понура - «понурая», «грустная»

«хунур» - «синее озеро»

Ангелинский Ерик - (тюр.) - «имеющий мать»

Пшеха (Пшиха, Пшаха, Пчхха) (адыг.) - «нести князя»

«княжна»

Богаго (Богого) – «слезная река»

Гоноубат (Уне-Убат, Гонэубат) (адыг.) – «разрушитель домов»

В-шестых, Пространство как эссенциальный образ, осознаваемый человеком и видимый им. Объекты номинации обладают видимыми признаками или рождающимися образами, но тоже обязательно видимыми.

Ангелинский Ерик – (тур.) – «ширь, простор»

Апчас (Пчас, Птчасшъ) (адыг.) – «лесная тропа»

Осечки – «обрезки», «обруби»

Бетга (Бэта, Бэтэ) (адыг.) «бэтэ» – «горбатый»

Магри (абазин.) – «рукав»

Бытка (Бытха, Битха) (адыг.) «быты» – «кривой», «тхы» – «хребет» – «кривая гора» (похожа на орла)

Бигундирь (Богундюр, Бехгунур) (тюрк.) «бигундир» – «кривое устье»

Марта (Марте) (адыг.) «амарт» – «крутой склон»

В-седьмых, содержание топонимического концепта «Пространство» следует отделить от понятия «место» как части Пространства. Определяя объём содержания концепта Пространство, необходимо их учитывать внешние отношения. В.Гак, исследуя границы пространства, рассматривает переход от сфер непространственных к пространственным представлениям и переход от пространственных к другим сферам бытия [2]. В топонимике Краснодарского края и Республики Адыгея этот переход просматривается в общей номинации: населенный пункт – гора – река. Непространственная сфера даёт образы для номинации пространственных объектов. Например, от гидронима р.

Кубань образовано большое количество топонимов: ст-ца Кубанская, пос. Кубанец, хут. Кубанская степь, три хут. Кубанский, пос. Кубань строй, пос. Кубанский, хут. Кубань, пос. Кубань, гор. Новокубанск, г. Славянск-на-Кубани, хут. Северокубанский, четыре хут. Прикубанских, два, пос. Прикубанских, пос. Орлово – Кубанский, сел. Отрадо-Кубанский, хут. Первокубанский, пос. Закубанский, пос. Малокубанский, канал Новокубанский.

И, наконец, концепту «Пространство» добавляется признак антропоцентричности. Человек – Род – Племя становятся центрами мироздания. Пространственная номинация репрезентирует первично Пространство Человека и лишь потом добавляются пространственные и абстрактные номинации. Например, оронимы и топонимы, образованные на основе личных имен и названий племен:

Абадзеш (адыг.) – «абадзехи» – этнические группы адыгов

Алек (Алику, Алыкьо) (адыг.) – хребет «эллинов» (греческий)

Папай – название племени «папаги»

Нагойчук (Негой шигу, Нэгьой шыгу) – «земля татар, нагойцев»

Нагойкош (Генай кушх, Нэгьойкьушхъ) – «становище татар, нагойцев»

Аибга – кабардинское название абхазцев

Ассара – «ассы» – племя аланов, предков осетин

Мамайка «мамай» – шапсугское название древних греков

ст-ца Баговская (родовая фамилия), **ст-ца Баракаевская** (родовая фамилия), **аул Беноково, аул Бечмизай, ст-ца Гостагаевская** (родовая фамилия), **пос. Дагомыс** (адыгская родовая фамилия), **ст-ца Даховская** (родовая фамилия Даховы).

Список литературы

1. Карасик В.И. Семиотические типы концептов. // Вопросы когнитивной лингвистики. -2012. - № 4 (033). С. 5-11.
2. Чесноков И.И. Месть как эмоциональный поведенческий концепт (опыт когнитивно-коммуникативного описания в контексте русской лингвокультуры): автореферат дисс. Доктора филол. наук. 10.02.19 / - Волгоград, 2009. – 44 с.

3. Якобсон Р.О. Лингвистика в ее отношении к другим наукам (Избр. Работы). Москва, 1985.
4. Янушкевич И.Ф. Лингвосомиотика англосаксонской культуры: [монография]. – Волгоград: Волгогр. научное изд-во, 2009. – 489 с.
5. Реформатский А.А. Семиотика географической карты // Лингвистическая терминология и прикладная топонимика. Москва, 1964.
6. Ковлакас Е.Ф. Особенности формирования топонимической картины мира: лексико-прагматический и этнокультурный аспекты. - Краснодар: Кубанский государственный университет, 2008. – 340 с.
7. Чугунова С.А. Концептуализация времени в разных культурах: автореферат диссертации по филологии [Электронный ресурс] URL: <http://cheloveknauka.com/kontseptualizatsiya-vremeni-v-raznyh-kulturah#ixzz6qFW66FSK><http://cheloveknauka.com/kontseptualizatsiya-vremeni-v-raznyh-kulturah> (Дата обращения 02.10.2020)
8. Нильсен Е.А. К экспликации концепта «Время» в английском языке // Вестник Самарского государственного университета, -2006. № 10-2 (50). С.211-217. [Электронный ресурс] URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9497111> (Дата обращения 02.10.2020)
9. Логический анализ языка. Языки пространств. Москва, 2000. 448с.
10. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. Москва, 1996.
11. Красных В.В. Когнитивная подсистема лингвокультуры: возможные пути исследования. – Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – Москва: МАКС Пресс, 2012. – Вып. 45. – 92 с.
12. Карасик В. И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. Волгоград, 2001. – С.3-16.
13. Олянич, А.В. Тюркоязычный город как гастрономический «текст» и «дискурс»: полифония лингвокультуры и семиотики // Научно-методический электронный журнал Концепт. 2014. Т. 20. С. 26-30.
14. Самохина Е. А. Репрезентация концептосферы «Land» в английской лингвокультуре. – Дисс. канд. филол. наук. 10.02.04 / – Волгоград, 2010. – 244с.

Е.Ф.Ковлакас

*Адмирал Ф. Ф. Ушаков атындағы Мемлекеттік Теңіз университеті, ИМТМЭиП,
Гуманитарлық пәндер кафедрасы
Ресей, Новороссийск қаласы*

**Когнитивтік кеңістік модельдерін құру туралы: лингвосомиотикалық тәсіл
(«кеңістік» топонимикалық концептісі негізінде)**

Аңдатпа. Мақалада символдық когнитивтік кеңістік моделінің құрылысы топонимдердің мағынасына емес, оларды қолдану немесе номинатор халықтардың мәдениетін түсіндіру контексіне негізделгені қарастырылады. Символ-топоним топонимдердің мағынасында нақтыланды, бірақ қабылдаушы субъект үшін көзге көрінетін қалпын жоғалтты. Қабылдаушы субъект әлемнің топонимикалық бейнесін пайымдау және қалпына келтіру үшін мәдениет саласына жүгінуі керек. «Кеңістік» концептісі әлемнің топонимикалық бейнесінде мағына түзеді. Этносоциум мүшелерінің айналадағы болмысты танымдық тұрғыдан игеру үдерістері осы болмысты концептілендірумен қатар жүреді, ал оның міндеті – бұл үдеріске жаңа таңбаларды тарта отырып, яғни концептосфераны семиотизациялау арқылы жаңа мағыналар тудыру. Әр түрлі этнос санасындағы әлемнің лингвосомиотикалық бейнесі олардың әлем туралы түсініктеріне сәйкес анықталады және әрқайсысында өзіндік сипат бойынша қалыптасады. Әлемнің әр бейнесінің этнолингвосомиотикасының құрылымы таңбалардың менталдық көріністерін қамтиды; ол жанды сипатқа ие, яғни этносоциумда болып жатқан тарихи үдерістер барысында ұдайы қайта түзілу мен өзгерістерге ұшырап отырады.

Түйін сөздер: әлемнің топонимикалық бейнесі, когнитивтік функция, топонимикалық кеңістік, кеңістіктік модельдері.

E.F. Kovlakas

Admiral F.F. Ushakov State Sea University, Novorossiysk, Russia

**On the construction of cognitive spatial models: a linguosemiotic approach
(on the example of the toponymic concept «space»)**

Abstract. The article raises the issue that the construction of a symbolic cognitive spatial model is based not on the meaning of toponyms, but on the context of their use or the interpretation of the culture of the nominative peoples.

The symbol of toponym has been materialized into the meaning of toponyms but has disappeared from the visible surface for the perceiving subject. The perceiving subject has to turn to the sphere of culture in order to comprehend and reconstruct the toponymic picture of the world. The concept «Space» is semantic in the toponymic picture of the world. The processes of cognitive mastering of the surrounding reality by the members of ethnosociety proceed in parallel with the conceptualisation of this reality, the task of which is to generate new meanings, involving new signs in this process, i.e. semiotising the conceptosphere. The linguosemiotic picture of the world of different ethnic groups is determined by their perceptions of the world, which are formed differently by each ethnic group. The ethnolinguosemiotic structure of each world picture contains mental representations of signs; it is dynamic, i.e. it undergoes constant rearrangement and transformation in the course of historical processes taking place in the ethnosociety.

Keywords: Toponymic picture of the world, cognitive function, toponymic Prostrantvo, spatial models

References

1. Karasik V.I. Semioticheskie tipy konceptov. // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. No. of 4 (033) 2012. – P. 5-11
2. Chesnokov I.I. Mest' kak emocional'nyj povedencheskij koncept (opyt kognitivno-kommunikativnogo opisaniya v kontekste russkoj lingvokul'tury) [Revenge as an emotional behavioral concept (experience of cognitive-communicative description in the context of Russian linguistic culture): abstract of Doctor of Philological Sciences thesis] 10.02.19 - Volgograd, 2009. – P. 44.
3. Jacobson R.O. Lingvistika v ee otnoshenii k drugim naukam [Linguistics in relation to other sciences]. Moscow, 1985. [in Russian]
4. Janushkevich I.F. Lingvosemiotika anglosaksonskoj kul'tury [Linguosemiotics of Anglo-Saxon culture] [monograph]. (Donbass. scientific publication, Volgograd, 2009. 489 p) [in Russian].
5. Reformed A.A. Semiotika geograficheskoy karty // Lingvisticheskaya terminologiya i prikladnaya toponomastika [Semiotics of geographical map//Linguistic terminology and applied toponomastics]. Moscow, 1964 [in Russian].
6. Kovlakas E.F. Osobennosti formirovaniya toponimicheskoy kartiny mira: leksiko-pragmaticheskij i etnokul'turnyj aspekty. (Kuban State University, Krasnodar, 2008. 340 p) [in Russian].
7. Chugunova S.A. Konceptualizaciya vremeni v raznyh kul'turah: avtoreferat dissertacii po filologii [Electronic resource] Available at: <http://cheloveknauka.com/kontseptualizatsiya-vremeni-v-raznyh-kul'turah#ixzz6qFW66FSKhttp://cheloveknauka.com/kontseptualizatsiya-vremeni-v-raznyh-kul'turah> (Accessed: 02.10.2020).
8. Nielsen E.A. K eksplikacii koncepta «Vremya» v anglijskom yazyke [To the explication of the concept of «Time» in English] /Bulletin of Samara State University, 2006. № 10-2 (50). Page 211-217. [Electronic Resource] Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9497111> (Accessed: 02.10.2020).
9. Logicheskij analiz yazyka. Yazyki prostranstv. (Moscow, 2000. 448 p) [in Russian].
10. Vezhbitskaya A. YAzyk. Kul'tura. Poznanie [Language. Culture. Knowledge]. (Moscow, 1996) [in Russian].
11. Krasnykh V.V. Cognitive subsystem of linguistic culture: possible ways of research. - Language, consciousness, communication: Sat. articles/Otv. ed. V.V. Krasnykh, A.I. Izotov. (MAKS Press, Moscow, 2012. 92 p) [in Russian].

12. Karasik V.I. О kategoriyah lingvokul'turologii // YAzykovaya lichnost': problemy kommunikativnoj deyatel'nosti. (Volgograd, 2001. P. 3-16) [in Russian].

13. Olyanich, A.V. Tyurkoyazychnyj gorod kak gastronomicheskij «tekst» i «diskurs»: polifoniya lingvokul'tury i semiotiki. Scientific and methodological electronic journal Concept. 2014. Vol. 20. P.26-30.

14. Samokhina E. A. Reprezentaciya konceptosfery «Land» v anglijskoj lingvokul'ture [Representation of the concept atmosphere «Land» in English linguistic culture: abstract of Candidate of Philological Sciences thesis]. 10.02.04. Volgograd, 2010. P. 244.

Сведения об авторах:

Ковлакас Елена Федоровна – к.ф.н., доцент кафедры «Гуманитарные дисциплины», ИМТМЭиП, Государственный морской университет имени адмирала Ф.Ф. Ушакова, Краснодарский край, Новороссийск, Россия.

Elena Fedorovna Kowlakas – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Humanities, Admiral F. F. Ushakov State Maritime University, 93 Lenin Ave., Novorossiysk, Krasnodar Krai, Russia.